

Слава Милина

Прощай,

доктор

Менгеле!

Слава Милина

Прощай, доктор Менгеле!

«Автор»

2026

Милина С.

Прощай, доктор Менгеле! / С. Милина — «Автор», 2026

Основано на реальных событиях. Десятилетняя Уля едет из Ленинграда на каникулы к папе в Брест, но прямо с поезда попадает в Освенцим, а потом – к нацистскому доктору-изуверу Менгеле. Она выживет. Она не просто выживет, она раскроет всему миру тайны «образцового лагеря»...

© Милина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Киноплѐнка с подсказкой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Слава Милина

Прощай, доктор Менгеле!

Глава 1: Киноплёнка с подсказкой

Сладко-дурманный аромат белой акации снова накрыл городок низким куполом. Над ним, в однотонной синеве - майская свежесть неба. А над городскими малоэтажными домами - завеса того аромата, который можно пить и насыщаться им. Так считают старожилы, в это верят курортники, которых в сезон в городке становится почти вровень с местными жителями. В жаркие дни воздух даже не шевелится - хоть черпай его кофейной ложечкой, отправляй в рот и смакуй как лакомство. Тогда уловишь запах и вкус близкого спокойного моря, нотки сирени, цветущей чёрной смородины и обворожительное соло медоносной белой акации.

Элла Львовна знает, что робиния - псевдоакация, дерево другого вида. Но с малолетства, а это уж лет семьдесят, называет её белой акацией, как принято в её родном крае. Здесь любят эту местную экзотику, когда городок сплошь украшен огромными благоухающими шарами - на робинии почти не видно зелени под густым покрывалом белых соцветий.

В этом году май почему-то начался сразу с жары. В руке Эллы Львовны затрепетал маленький кружевной веер - почти касается её носа. Мера сомнительная, потому что организм разогрелся от быстрых движений руки и охлаждение веером пошло насмарку. Элла Львовна увидела входящих в библиотеку людей. "Вот где можно остыть", - сообразила она, ловко схлопнула веер и сунула его в сумочку, направилась к библиотеке.

На тяжелой двери из цельного пласта древесины между двумя продольными трещинами было приклеено объявление о фотовыставке. Вчитываться не стала, утомлённая жарой Элла Львовна без промедления потянула за старинную бронзовую ручку и шагнула внутрь.

В большом зале библиотеки и впрямь комфортно-прохладно; по трём сторонам помещения стоят люди, среди них женщина заметила несколько знакомых, город маленький, не удивительно встретить соседей или родственников в любом его уголке. Вон Светлана Акопова из соседнего подъезда, полезла в свой ридикюль, достала бумажную салфетку, промокнула глаза. А подальше от неё - Крыловы, чета почтенного возраста, их старшая дочь стояла за прилавком в дежурной булочной, а младшая дочь сидит в кассе парковых аттракционов, кто ж не знает Крыловых... Тоже будто расстроенные.

Элла Львовна окончательно пришла в себя и стала вслушиваться в речь библиотекаряши - Людмилы Дмитриевны, та стояла возле рояля у четвёртой стены зала. Ей лет сорок, и сегодня она выглядела дамой с бизнес-конференции - одежда строгая, каблук маленький, русые волосы - гладкой улиткой на макушке.

- Пачку этих фотографий нашла уборщица исполкома нашего города Александра Филипповна Можайкина, - библиотекарь обвела рукой вокруг себя. И Элла Львовна стала оглядываться и рассматривать фотографии на стенах и на выставленных возле рояля стендах. Нет, не разобрать, что на них. Вот так, с очками, гораздо лучше... Женщина обернулась к стене позади себя и отшатнулась, наступив на ногу парню, с виду - студенту. Даже не заметив этого мелкого происшествия и потому не извинившись за оплошность, хотя была дамой, воспитанной в старых церемониальных традициях.

Элла Львовна, когда надела очки и стала разглядывать фотографию на стене, встретила взглядом с мальчуганом лет десяти - он смотрел со снимка по-взрослому, с покорностью и какой-то готовностью, что ли... Готовностью принять страшное. Ребёнок был дико истощён, через весь лоб - свежий шрам. В кадр поместился только истрёпанный воротничок курточки, он был... полосатым. Элла Львовна поняла, на какое мероприятие случайно попала.

С окаменелым лицом она повернулась и начала вникать в то, что говорила Людмила Дмитриевна:

- В тот мартовский день тысяча девятьсот сорок пятого года она первой пришла на работу, увидела на ступеньках газетный свёрток. Юная Шура забрала его и потом передала председателю исполкома товарищу Рустамову. Сегодня на нашей встрече присутствует сын Александры Филипповны, - библиотекарь показала открытой ладонью на мужчину лет семи-десяти пяти. Элла Львовна мельком знала его - муж её бывшей сослуживицы на молокозаводе, технолога Валентины Можайкиной.

- Вот так страшные снимки открыли правду о концлагере под названием Аушвиц. Так его называли немецкие оккупанты на свой лад, так подписаны фотографии. Мы знаем его как Освенцим - по названию польского города, возле которого его построили, - рассказывала библиотекарь. В паузу между её словами просочилась Элла Львовна:

- Моя соседка полвека скрывала, почему глухая, а потом и призналась мне - с Освенцима это у неё... Её бы пригласить, она бы рассказала...

Библиотекарь поинтересовалась:

- Ульяна Викторовна?.. Вы об Ульяне Викторовне говорите?

- Да. Она вот здесь, через дом, живёт.

- Знаем её. Она признана малолетней узницей Освенцима. Мы два раза с ней говорили...

Она наотрез отказалась выступить. Говорит, ничего не помнит.

Людмила Дмитриевна легонько постучала ухоженным пальчиком по стенду:

- Так вот, фотографии эти за восемь десятков лет объездили много советских, российских городов. Потому что они бесценны, потому что они вроде немых свидетелей. Спустя многие, многие годы, эти свидетели снова в нашем городе.

"Выступать... Или она вам звезда эстрады, чтобы выступить?.. Такое сморозить!.." - бормотала Элла Львовна, пробираясь сквозь людей к выходу.

Улица опалела хорошо прогретым воздухом. Когда-то долгое летнее пекло казалось Элле проклятьем, она всё порывалась переехать в менее знойные края, в Волгоград или к любимой тёте Руфине в Борисоглебск. Удержали обстоятельства. А потом жизнь изменилась, быт стал удобнее.

Давно уж всюду кондиционеры, искусственный климат в квартирах, учреждениях, авто. Потому все окна в домах наглухо закупорены. Но одно окно на первом этаже их дома распахнуто. Из него наклонилась фигура: пожилая женщина подсыпает в цветочные горшки мелкие опилки - мульчу. Посудины с карминными бутончиками в тёмной мясистой зелени крепко держатся в металлических петлях ажурной подставки, прилаженной к стене под окном. Да-да, и под палящим солнцем прекрасно живут приспособленные к таким условиям цветы. Ульяна Викторовна устроила клумбу под своим окном - лесенкой три ряда горшочков с одинаковыми яркими венчиками.

Из открытого окна выплёскивалась на улицу громкая трескотня телевизора - музыкальная заставка, хорошо поставленная дикторская речь, перебивка звуковыми сигналами... Элла Львовна сложила у рта ладони рупором, прокричала:

- Здравствуй, Ульяна! - и пошла своей дорогой.

- Здравствуй, - тихо ответила та, стала закрывать окно. Без уличного шума слова диктора воспринимались чётче: "...встреча вице-премьеров двух государств по этому безотлагательному вопросу запланирована на ближайшие дни. Ещё одну важную новость опубликовали информагентства всего мира: в частном домовладении жителя Праги обнаружена уникальная киноплёнка тысяча девятьсот сорок первого года, это любительская запись из концентрационного лагеря Освенцим".

Ульяна Викторовна уронила ведёрко с опилками из внезапно ослабевшей руки, приложила ладонь к правому уху, напряжённо вслушиваясь, шагнула ближе к телевизору.

- Её длительность всего пятьдесят восемь секунд. Мы предоставляем зрителям возможность увидеть эту запись, - Ульяне Викторовне показалось, что диктор смотрит персонально на неё, а не в телекамеру. Она нащупала рукой кресло, не отрывая взгляда от экрана, села.

На экране - плац, камера движется по короткой шеренге детей вряд ли старше десяти лет, есть и малыши лет пяти. Они темноволосые, похожи на цыган или евреев. Среди них... Надя?! Это Надя?! Да, это Надя, младшая сестрёнка Ули. Она русская, но каштановые волосы - кудряшками. Тогда ей было восемь лет. И Ульяна до сих пор не знает, куда делась их Надя, поиск после войны был безрезультатным.

Хронику комментировал мужчина, он за кадром, но Ульяна Викторовна узнала этот бравый голос. Когда-то он воспламенял в её детской душе ярость, а сейчас вдруг вызвал оцепенение. Да, это несомненно обершарфюрер Шефер. Тогда он служил в Освенциме. И сейчас его голос тридцатичетырёхлетнего гвардейца СС бодро доложил о происходящем на кадрах.

Для зрителей пустили бегущую строку перевода, но Ульяна Викторовна сносно понимала по немецки: "Сегодня - третье сентября, и мы проведём первое испытание газа «Циклон Б». В камеру для умерщвления отправятся советские военнопленные, взрослые поляки, которые больше не могут работать, и вот этот также ненужный материал".

Камера начала обратное движение, через несколько секунд запись оборвалась, на экране задержался стоп-кадр: понурая Надя.

Глаза резало от сухости, но оцепенение начало медленно отпускать Ульяну Викторовну, она смогла моргнуть, и память подменила телеэкран на картинку из очень далёкого прошлого.

Надин портрет стал цветным, личико преобразилось - смешливый взгляд, мелкие кудряшки просвечены ласковым ленинградским солнышком. Ульяна перестала слышать громогласные звуки телевизора, теперь она слышала гомон перрона, повеяло ароматом пионов - упитанный мужчина в белом парусиновом костюме пронёс мимо бело-розовый букет. Во рту будто появился вкус пломбира с хрупкими осколками шоколадной глазури...

То был июнь 1941 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.